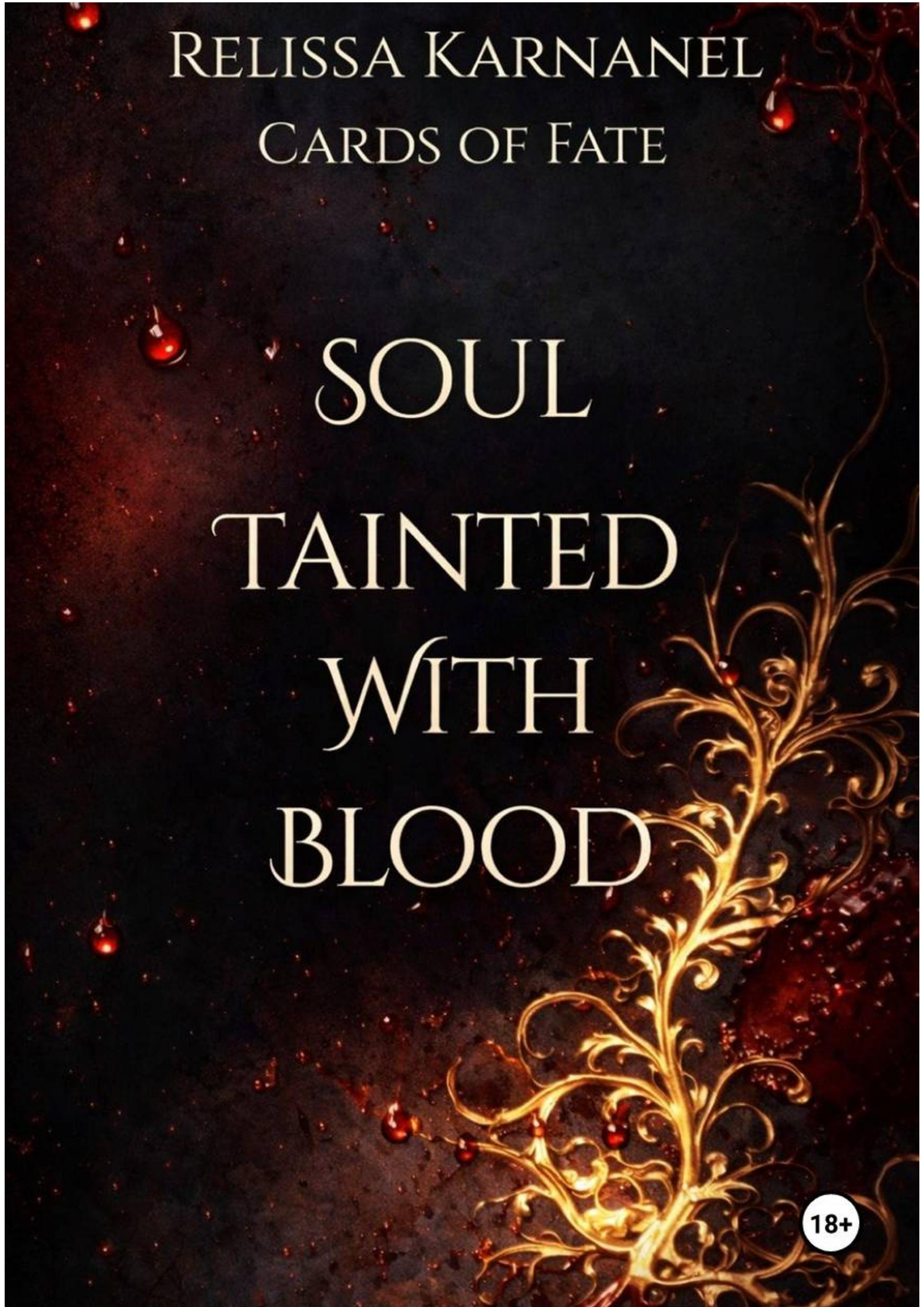

RELISSA KARNANEL

CARDS OF FATE

SOUL
TAINTED
WITH
BLOOD

18+

Relissa Karnanel

Душа покрытая кровью

«Автор»

2026

Karnanel R.

Душа покрытая кровью / R. Karnanel — «Автор», 2026

Династия Алмааз - была построена на руинах старого мира, где древние чертежи ценятся дороже человеческой жизни. Хансон - сломанный юноша, выкованный в боли своим жестоким наставником. Он не искал власти, но власть сама нашла его. Втянутый в политическую игру Династии по причинам, которые от него скрывают, он вынужден играть по чужим правилам. Чтобы выжить и спасти названных братьев, Хансону предстоит бросить вызов непобедимому убийце Рамзесу. Но как победить чудовищ снаружи, если твоя собственная память хранит секрет, способный перевернуть весь мир?

© Karnanel R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	8

Relissa Karnanel

Душа покрытая кровью

От автора

Дорогой читатель! Прежде чем вы перевернете эту страницу и шагнете в Династию Алмааз, я хочу сделать несколько важных предупреждений. Эта история — не легкая сказка. По своему духу, размаху и атмосфере она ближе к суровым историческим драмам о становлении великих исламских государств (в духе «Основания Османа» или "Великолепного Века"), где новые империи воздвигаются среди интриг, а власть куется в жестоких битвах, верности соратников и тяжелых испытаниях. О религии и мире книги: Культура, быт и духовная жизнь этого мира пронизаны исламом. Вера здесь — это не просто фон, а столп, на котором держится общество, его законы и мораль. Однако помните, что это художественное произведение в жанре тёмного фэнтези. Персонажи этой книги — не святые. Это живые, глубоко травмированные люди, которые совершают ошибки, поддаются гневу и порой нарушают священные запреты ради выживания. Поступки героев, их жестокость или политические игры отражают лишь их **собственную** человеческую слабость и суровость эпохи, но ни в коем случае не **саму** религию. # **Предупреждение о содержании (Trigger Warnings):** Мир книги предельно реалистичен и суров. Я настоятельно **не рекомендую** читать эту историю слишком восприимчивым, чутким и впечатлительным людям. На страницах романа присутствуют: Жестокость и детальные описания сражений: бои здесь кровопролитны. Тяжелые психологические травмы: главные герои выросли под гнётом жестокого наставника, прошли через физическую и моральную боль, что наложило неизгладимый отпечаток на их разум. Морально серые персонажи и поступки: здесь нет идеальных героев; ради защиты близких и своей земли им придется принимать пугающие, неоднозначные решения. Сложные и новые термины, которые будут обозначаться в конце глав и в моем тгк. У книги есть своя отдельная книга Кодексов (тоже в моем тгк), своя сложная система и мир, с которым вы столкнетесь. Это история о преданности, братстве и вере, проходящих через страшные испытания. О сломанных людях, которые пытаются сохранить человечность и верность своим принципам там, где тьма наступает со всех сторон. Если вы готовы пройти этот путь вместе с героями, увидеть лязг стали, вдохнуть воздух Династии и погрузиться в сложную историю великого противостояния — добро пожаловать.

Самое важное:

Этой книгой я ни в коем случае не хочу навязать кому-либо свои взгляды. Данная история — лишь художественный вымысел, вдохновленный упомянутыми ранее сериалами. Она создана исключительно в развлекательных целях.

Искренне ваша, Релисса Карнанель

Пролог

Императорство Бексултан. Кальа Ирий

— Хеджет Тина? — спросила рыжеволосая девушка. Её кофейные глаза внимательно изучали гостью, прежде чем она коротко кивнула в знак приветствия. — Сехтеньер начнётся с минуты на минуту. Прошу вас, следуйте за мной.

Она сдержанно улыбнулась и развернулась, увлекая Тину вглубь Кальи. Проводница в длинном черно-белом платье, рукава которого полностью скрывали кисти рук, уверенно свернула направо в бесконечный коридор.

Стены этого коридора были превращены в живые полотна: их украшали мастерски выполненные изображения гор и лесов. Каждый рисунок был детально прописан яркими и живописными красками. Каждая деталь — будь то острый выступ скалы или заиндевшее дерево — была выполнена с такой точностью, что Тине казалось, будто она кожей чувствует холодный воздух и слышит далекий шепот ветра.

Каждый шаг, пройденный по этому пути, окутывал Тину чувством спокойствия. Из окон доносился мерный рокот волн, дарящий спокойствие. Но из этого созерцательного состояния её вывел резкий рывок за руку.

— Можно мне пойти поиграть? — спросил малыш Амилириан.

Тина вздрогнула. Её кольнуло чувство вины, что на мгновение она позволила себе забыть о его существовании. Она опустила голову и встретила с его черными, загадочными глазами — они светились так ярко, словно ребенок хранил какую-то великую тайну.

— Я буду осторожен, — настойчиво добавил он, не отводя взгляда.

Тина тяжело вздохнула и остановилась.

— Обещаю, — буркнул малыш.

Хеджет улыбнулась и опустилась на колени, бережно убирая непослушную прядь волос с лица мальчика. Её голос стал мягким, почти шепотом:

— Малыш, у нас сейчас совсем нет времени. Мы должны поскорее закончить дела и вернуться к твоему отцу, хорошо?

Увидев, как он обиженно, но невероятно мило раздул щеки, она не выдержала и тихо засмеялась. Тина нежно поцеловала его в лоб, чувствуя огромную любовь к этому хрупкому созданию.

— В следующий раз мы соберем всех твоих друзей и будем играть, пока сон не сморит вас всех. Договорились?

Мальчик посмотрел вверх, потом вниз, его зрачки задвигались в характерном танце — это был его личный способ показать, что он согласен. Тина погладила его шелковистые черные волосы и встала, повернувшись к проводнице. Девушка стояла неподалеку, подчеркнуто не глядя на них. На долю секунды сердце Тины сжала тревога, но чувство пропало, когда рыжеволосая заговорила своим нежным голосом:

— Нам пора идти, Хеджет.

Она бросила фразу через плечо и двинулась дальше. Поправив свой длинный черный кафтан, Тина крепче взяла Амилириана за руку и последовала за проводницей. У двери в восточном крыле она внезапно почувствовала запах гари и инстинктивно прикрыла нос рукавом.

— А что находится там? — спросила она.

Девушка обернулась. Теперь на её лице была плотная маска.

— Кухня, мисс, — коротко ответила она и пошла дальше.

До того как они добрались до подъёмника, им пришлось повернуть еще несколько раз, и повсюду оформление повторялось с пугающей точностью: те же цветы, картины, а иногда к

ним добавлялось и пение птиц, льющееся из скрытых ниш. В этот момент на Тину навалилась свинцовая усталость. Глубоко вдохнув, она пожала руку малыша; тот поднял голову и улыбнулся, ответив крепким пожатием своей крохотной ладони. От этого в душе Тины стало тепло. Так происходило всегда: даже после самого изматывающего дня одно объятие этого ребенка заставляло все горести падать с её плеч.

— Может, пойдём по лестнице? — спросила Тина, заметив, что подъёмник, задерживается.

Она с опаской покосилась на массивную шахту. В этом мире, поднимавшемся из пепла великой катастрофы, подобные механизмы были священной роскошью, доступной лишь правителям Кальи. Мастера Кальи годами собирали этот подъёмник по пожелтевшим, едва уцелевшим чертежам ушедшей эпохи Предков. Тине всегда было немного жутко доверять свою жизнь этой грохочущей железной клетке.

Девушка лишь загадочно улыбнулась, глядя не на Тину, а ей за спину. В смятении Хеджет проследила за её взглядом, обернулась и замерла от ужаса.

Позади неё беззвучно сошёл из тени коридора стрикс.

Его бледная, пепельно-синяя кожа казалась ледяной в тусклом свете ламп, а длинные платиновые волосы растрепались, почти скрывая заострённые эльфийские уши. Из-за его спины, едва помещаясь в пространстве коридора, полукругом раскрылись огромные, иссиня-чёрные вороньи крылья. Суровое лицо существа не выражало никаких эмоций, а полностью тёмные нечеловеческие глаза смотрели сквозь Тину с хищным равнодушием. Вместо обычных ног из-под подола его простых одеяний виднелись мощные, покрытые грубой чешуёй птичьи лапы, чьи массивные когти с тихим скрежетом коснулись мраморного пола. В бледных руках он уверенно сжимал длинное боевое копьё с широким наконечником, направленным в её сторону. В этот момент новая волна сонливости и бессилия ударила в голову, Тина покачнулась.

— Что... что происходит? — пробормотала она, пытаясь разгладить лоб рукой. — Маленькая доза угарного газа, — с хитрой улыбкой пояснила рыжая, издевательски показывая пальцами жест «чуть-чуть».

Тина рванулась назад, пытаясь загородить собой малыша.

— Проваливайте, если жизнь дорога! — выкрикнула она, выхватывая кинжал из ножен. Но ноги больше не держали. Она с треском рухнула на колени, а кинжал, звякнув о пол, отлетел в сторону. Её тело было полностью парализовано; сколько бы она ни приказывала мышцам, они не слушались. Она могла лишь бессильно смотреть на врагов. Рыжеволосая девушка, сохраняя ледяное спокойствие, приблизилась и сняла маску:

— Передай Царю Провинций: мы воспитаем его сына должным образом. Она подошла еще ближе и издевательски зацокала языком. — Жаль, что «подарок» нужно доставить в целости и сохранности... но... — она медленно, с наслаждением провела пальцем по лицу Тины, — немного «разукрасить» его никто не запрещал.

— Тронешь его... и тебе больше не видать света, — из последних сил прохрипела Тина. Она пыталась казаться грозной, но её вид вызывал лишь жалость, а голос был настолько хрупким, что она сама усомнилась, слышал ли её кто-то. Она окончательно повалилась на землю, видя, как девушка подхватывает на руки Амилириана, который был уже без сознания. — Мы и так его лишены, хатун, — прошипела та, направляясь к выходу. Тина смотрела вслед, пока их силуэты не превратились в расплывчатые темные пятна. Гнев и горечь выжигали её изнутри. Она проклинала себя за беспечность, за то, что не смогла защитить того, кто стал для неё больше, чем подопечным. Закрыв глаза, Тина почувствовала, как по щеке катится обжигающая слеза.

Глава 1

Императорство Бексултан. Деревня Ванирхаиш.

7 день месяца Джума да- Аль- Ахира

«На поле битвы, где войны сражаются бок о бок, недоверию места нет. Ты прикрываешь их спины, а они — твою».

Так думал Хансон ровно до того момента, пока не ощутил, как сталь вонзается в его правый бок. Отхаркнув кровь, он пошатнулся и рухнул на колени. Катана с глухим звоном выпала из ослабевших пальцев в алую лужу. Хан попытался зажать рану левой рукой, чтобы хоть немного замедлить поток жизни, уходящий в землю. Голова закружилась, воздух стал густым и тяжелым, а перед глазами всё поплыло. Гул битвы доносился лишь приглушенным эхом.

В этом хаосе он отчетливо услышал свое имя. Отчаянный голос звал его откуда-то изда-лека, но Хансон не мог вспомнить, кому он принадлежит. Внутренности жгло огнем, каждый вдох давался с нечеловеческим трудом. Внезапно дневной свет померк — над ним нависла тень. Прищурившись от ярких лучей, Хан поднял голову. Картина прояснилась, открывая истинную причину жжения в легких и тумана в голове.

Яд.

Белоснежная алия¹ с красными глазами, обвившаяся вокруг шеи девушки, смотрела прямо на него. Девушка, чье лицо скрывала бежевая паранджа, приставила к его горлу лунный клинок — тати. Хансона захлестнула волна боли и узнавания: он узнал этот серебряный меч с гравировкой семи звезд, сходящихся к полной луне. Этот клинок он сам подарил ей в знак бескрайнего доверия. Он и подумать не мог, что это самое доверие и оборвет его жизнь.

Хан разжал пальцы, и его руки, ставшие от крови черно-алыми, бессильно упали на землю. Поморщившись, он через силу выдавил улыбку. Девушка медленно сняла чачву, обнажая глаза:

— Спасибо за доверие, — ухмыльнулась она, наслаждаясь моментом. — Оно послужило отличным оружием для мести.

Она медленно повела лезвием по его горлу. Последнее, что он запомнил — это её взгляд. Глаза, полные ненависти. Те самые глаза, что когда-то освещали путь их отряду и проливали слезы ради него.

Этой ночью Хансон проснулся от странного шума. Приподнявшись на локтях, он сощурился и заметил в темноте Осамуса. Его присутствие выдавал лишь светящийся кулон в виде пера. Хан нащупал фонарик, лежавший в метре от него, и направил луч на соседа. Осамус сидел на одном колене, охраняя Хана с револьвером в руках. Он был самым проворным и гибким в их отряде — о такой ловкости Хан мог только мечтать.

— «Ага гулямов - Нармир. Нападение с востока. Примерно восемь пали шахидами. Лоркан, Сагаб, Осамус и Хансон — немедленно к нам! Половина противников уничтожена, но они вызвали подмогу. Прием», — в кармане куртки Осамуса мигал зеленым огоньком смарт-кулон.

— «Что еще за "прием"?! Ты что, в старых хрониках снимаешься?» — раздался в эфире насмешливый голос Лоркана, который тут же стал серьезным: — «Моя пехота соединилась с Сагабом,двигаемся к Осамусу. Прием».

Лоркан не выдержал и коротко хохотнул, прежде чем отключить связь. Выключив фонарик, Хансон выбрался из спального мешка и вышел из палатки, разбитой у ручья на юго-востоке. Осамус последовал за ним, держа оружие наготове. Они переглянулись; Осамус глубоко вздохнул и изобразил руками большое «О» — всё в порядке.

¹ змея

Подмигнув, Хан поднял с земли свою катану, которая длиной почти сравнялась с его ростом, и убрал её в ножны. Осамус кивнул, спрятал револьвер за пояс и зашагал на запад. Но не успели его черные волосы скрыться из виду, как послышался топот копыт. Осамус инстинктивно вскинул оружие. Хан направил луч фонаря на звук, готовый к бою.

Из леса вылетел отряд наездников. Впереди на черной кобыле скакал командир. Всадники окружили их. Хан поймал себя на том, что задержал дыхание, и облегченно выдохнул лишь тогда, когда Сагаб спрыгнул с кобылы Адлера и быстро подошел к нему.

— Где Лоркан? Он же сказал, что едет с тобой, Сагаб...

— В опасности, — тяжело дыша, бросил Сагаб.

У Хана свело живот. Он посмотрел на Осамуса, надеясь, что тот жестом покажет: «Это шутка», — что это очередная выходка Лоркана. Но Осамус лишь мрачно покачал головой.

— Но мы же только что слышали его голос, он...

Сагаб не дал ему закончить. Он набросился на Хана, хватая его за шиворот.

Его бронзовые глаза встретились с черными глазами Хана. Сагаб рывкнул с яростью, совершенно не свойственной его обычному хладнокровию:

— Если бы ты посещал совещания, самоуверенный придурок, ты бы знал, когда твои товарищи просят о помощи! Ты бы знал сигнал! А не пялился бы сейчас на нас как вкопанный! Хансон хмыкнул и накрыл ладонью правое плечо Сагаба. Его голос зазвучал ледяным спокойствием:

— Если бы ты вместо этой сцены объяснил ситуацию, я бы уже был на пути к спасению Лорчика. Сагаб внезапно рухнул на колено, хотя Хан больше не давил на него и не применял грубую силу. — Посмеешь еще раз так посмотреть на меня, — процедил Хан сквозь зубы, — и я позабочусь о том, чтобы твои глаза навсегда погрузились во тьму. Уяснил?

— Прошу прощения, — пробормотал Сагаб, но Хансона и Осамуса уже след простыл. Кровь стучала в ушах Хана, когда он бежал к восточной части лагеря. Казалось, каждый куст слышит его шаги. Пройгнорировав какое-то замечание Сая, он летел вслед за Осамусом. Лес с его исполинскими деревьями казался бесконечным, хотя их палатка стояла недалеко от Нармира. Хан прорубал путь сквозь заросли катаной, пока наконец не оказался в самом центре сражения, пропитанном запахом пота и крови. От увиденного ярость закипела в его жилах. Павших было гораздо больше восьми. Раненые укрывались за стволами деревьев. Лишь Нармир и трое его солдат еще сдерживали натиск гикксов, не подпуская их к пострадавшим. Нармир был ранен в плечо, остальные держались из последних сил. Обзор Хану перекрыл противник. С отчаянным криком воин замахнулся, но Хан увернулся. Краем глаза он заметил Лоркана — тот лежал у скалы под деревом, связанный по рукам и ногам верёвкой из колючих игл. Его одежда была пропитана кровью. Когда их взгляды встретились, Лоркан через силу улыбнулся, и эта улыбка больше походила на предсмертную гримасу. Закрыв глаза, он откинул голову. Звук выстрела заставил Хана вернуться к реальности. Нападавший на него враг рухнул — Осамус успел вовремя.

— Спасибо, — бросил Хан, но Осамус уже бежал к раненым. Сжав кулаки, Хан бросился в гущу врагов.

— Долго же вы, ваша светлость, — выдавил смешок Нармир, с трудом удерживая одного из гикссов. Хан вонзил клинок в сердце врага, надеясь унять собственную ярость. Противник был облачен во всё черное, маска скрывала лицо, но внимание Хана привлекла серебристая брошь на предплечье — узор из звезд и луны. Он хотел рассмотреть её ближе, но тело под его ногами вдруг начало тлеть. Из горла гиксosa вырвался яростный хрип. Перед тем как клинок Хана вошел глубже, враг вдруг улыбнулся:

— Большая радость... умереть от твоих рук, дитя... Договорить он не успел — стрела со свистом вонзилась ему в лоб. Хансон замер, глядя на безжизненное тело. К нему подошел Нар-

мир и протянул руку. Когда Хан пожал её, он почувствовал что-то неладное. С молниеносной скоростью он приставил катану к горлу командира.

— Где Нармир? — ледяным тоном спросил он. — Оу, осторожнее с этим, Хан. Что за шутки? Я перед тобой, — Нармир ухмыльнулся, скрестив кулаки перед собой в защитном жесте. — Где Нармир? Отвечай, пока я не стер тебя с лица земли! — Хан надавил на клинок. — Или ты хочешь убедить меня, что шрам на твоём указательном пальце исчез за одну ночь?

«Нармир» внезапно расхохотался. Он разжал кулак, и между пальцами показались четыре туза. С хитрой улыбкой он просто... исчез. Хансон в ужасе огляделся. Поле битвы преобразилось: сражающиеся воины испарились, дома в отдалении полыхали, Осамус стоял вдалеке, озираясь по сторонам. Лоркан по-прежнему лежал у дерева. Хан повернулся направо, сжимая рукоять катаны. Его взгляд упал на тело убитого им «гиксосу». Мир под ногами пошатнулся. Это был не враг. Это был Нармир. Дрожащими руками Хан коснулся щеки друга. В поисках хоть какой-то надежды на иллюзию он проверил руку мертвеца. Шрам был на месте. Слезы брызнули из глаз, сменяясь захлебывающимся рыданием.

— Нет... — он крепко обнял тело наставника. Прижавшись лбом к его лицу, он шепотом умолял о прощении, проклиная себя и весь этот жестокий мир. — Не-е-ет! — его крик отчаяния взмыл к небу.

— Друг пал от руки друга. Какая ирония. Да покоится его душа с миром, — голос эхом раздался из ниоткуда.

Хан вскинулся, пытаясь найти источник, но туман скрывал всё.

— Ты вонзил клинок в грудь, которую клялся защищать. Такова истинная сущность человечества. Тебе достаточно было лишь капли сомнения, — голос перешел в жесткий упрек. — Царство лжи погубил тебя, сделав одним из нас.

Каждое слово стрелой впивалось в сердце. Хан убил Нармира. Он не защитил его.

— Покажись! Сразись со мной честно! Я на тебе живого места не оставлю! — взревел Хан.

— Это было лишь скромное приветствие Нембуса, Асирис...

Туман рассеялся.

Осенний дождь бил по лицу, воздух пах мокрой почвой и палой листвой. Гулямы медленно тянулись к деревне. Несмотря на пронизывающий холод, Хансон ничего не чувствовал. В груди всё сжалось так сильно, что не хватало воздуха. Ему хотелось одного: зарыться в эту грязь, уснуть и никогда не просыпаться.

Тяжелая рука легла ему на плечо.

— Это иллюзия. Остановись.

Хан обернулся. Перед ним стоял Лоркан, покрытый грязью и запекшейся кровью. Его лицо выражало глубокую скорбь.

— Это были мои слова прямо перед тем, как ты убил Нармира, — добавил Лоркан.

Хансон знал, что друг говорит это не со зла, но слова обожгли рану, словно соль. Он промолчал, продолжая вести под уздцы лошадь, на спине которой покоилось тело наставника.

Нармир был единственным, кто мог прямо сказать Хану правду. Он учил его контролировать гнев, был ему отцом, которого у мальчика никогда не было. Благодаря ему Хан стал сильнее всех в деревне — не только телом, но и духом.

«Твои эмоции — твой враг на поле боя. Притвориться, что их нет — значит победить самого себя», — часто повторял Нармир.

Когда они подошли к воротам, солнце начало окрашивать небо в кроваво-красный. Сагаб шел впереди. Люди высыпали на улицу, с ужасом вглядываясь в лица вернувшихся, молясь не увидеть среди мертвых своих близких.

«Хорошо, что у Нармира не было семьи. Я бы этого не вынес», — виновато подумал Хан.

Как только он переступил порог деревни, невидимая тяжесть окончательно придавила его к земле. В ушах зазвенел скрежет металла. Хан выпустил поводья и упал. Он попытался подняться, но силы оставили его. Он растянулся на сырой земле под проливным дождем и закрыл глаза, мечтая лишь о покое.

Слепящий свет ударил в глаза, когда Хансон наконец пришел в себя. Повернувшись на бок, он узнал свою хижину, которую делил с Сагабом. Обычно в это время напарник уже уходил на дежурство, поэтому в комнате было тихо. Хан откинул одеяло, собираясь подняться, но почувствовал, как что-то тяжелое сковало его движения. Взглянув вниз, он обнаружил на ногах массивные кандалы. Нахмурившись, он попытался разорвать их силой, но металл даже не звякнул.

— Хоть кости ломай, эти оковы тебя не отпустят, — раздался голос Лоркана.

Тот стоял у порога, прислонившись к стене. На нем была чистая черная рубашка и брюки. На лице, в отличие от рук, шрамов не было, но выглядел он изможденным: лицо осунулось, а темные круги под глазами выдавали хроническую бессонницу.

— Это из-за того, что я натворил? — Хансон приподнялся на локтях, изучая друга.

— Не совсем. Ты проспал неделю после того дня. В суде дело закрыли. Хоть половина деревни тебя теперь и ненавидит, ты можешь не прятать взгляд.

— Неделю? — глаза Хана расширились. — Если меня оправдали, зачем тогда эти цепи? — Он осекся. — Вы провели... его похороны?

— Воу, притормози, Хан, — Лоркан подошел к столу и взял с тарелки яблоко. — Похоронили его на следующий же день.

Они похоронили его на следующий же день. Так просто. Словно Нармир был не человеком, который подарил мне крупицу тепла в этом проклятом мире, а просто старым деревом, которое срубили за ненадобностью. Лоркан хрустит яблоком, обсуждая процесс, а у меня в ушах до сих пор стоит предсмертные слова Нармира. Это я убил его. Это мой клинок оборвал его жизнь. Наставник, если ты меня слышишь... прости. Я не хотел. Я не знал...

— А, насчет оков... Скажи, ты видел какие-нибудь сны, пока был в отключке?

— Нет. Докладывай уже, — нетерпеливо бросил Хан.

Лоркан сел на ближайший стул и заговорил серьезно:

— Сразу после того, как ты упал, на твоей руке проступил странный узор. Мы пытались подойти, но какая-то волна отбросила нас назад. И тогда ты встал, — Лоркан внимательно посмотрел на Хана. — Встал на колени, закинул голову к небу... Твои глаза были пустыми, в них не осталось ничего человеческого. Ты произнес: *«Объявляю войну Алмаазу от имени Нембуса»*.

Лоркан швырнул огрызок в урну.

— И как Палата Равновесия на это отреагировала? — спросил Хансон, с трудом проглатывая комок в горле.

— Никак. Ты в прямом смысле объявил войну, и теперь к нам направляется сам Император. Но у меня есть догадка. Помнишь, ты пожал руку фальшивому Нармиру? Думаю, он поставил на тебе печать. Тебя использовали как посредника, чтобы передать послание. Что он сказал тебе перед тем, как исчезнуть?

— Что это было «приветствие от Нембуса, — Хан решил умолчать про слово «Асирис», так как не был уверен, что расслышал его правильно.

— Нембус... кажется, я слышал это имя...

Договорить он не успел. Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина с черными волосами до плеч. Его фигуру окутывал длинный кафтан глубокого темно-синего цвета, почти сливавшегося с черным. Тяжелый шелк с матовым отливом напоминал чешую морского чудовища, а по полам, манжетам и высокому воротнику тянулась изящная серебряная вышивка, складывавшаяся в восточные узоры и гребни бушующих волн.

Под кафтаном виднелся облегающий ламеллярный панцирь из вороненой стали с массивными наплечниками, выкованными в форме морских валов. На голове покоился аккуратно уложенный темно-синий тюрбан, украшенный серебряной брошью и черными перьями морского альбатроса. Широкий кушак цвета морской пены удерживал изогнутую шамшир.

— На выход, — ровным, не терпящим возражений тоном приказал он.

Лоркан, даже не взглянув на Хана, подчинился. Через приоткрытую дверь Хансон почувствовал такую мощную ауру, какой не ощущал никогда в жизни. Воздух в хижине словно стал тяжелее.

Секунду спустя в комнату вошел источник этой мощи. Это был высокий, худощавый парень с белоснежной кожей. Его голубые глаза сияли, отражая непомерные амбиции, а растрепанные волосы подчеркивали дерзкую и непредсказуемую натуру. Острые скулы придавали его лицу решительность, а во взгляде читалось полное равнодушие к суровой реальности.

«Так вот какой ты, наш Император», — подумал Хан. Кейнан Маалел, самый молодой правитель в истории Алмааза. Его отец, бывший император Бексултана, подарил ему Сехтеньер на восемнадцатилетие. Кейнан был известен своей невероятной красотой и жуткой способностью подчинять себе волю других. На нем был длинный темно-синий кафтан императорского покроя, расшитый золотыми узорами Предков. Поверх плеч небрежно лежал тяжелый плащ с жесткими наплечниками из древнего металла. Широкий пояс из черненого золота удерживал механический тати, а длинные, свободные рукава верхнего одеяния полностью скрывали его руки.

Хансон не успел даже моргнуть, как рука Императора уже сжала его горло. Скорость была запредельной.

— Говори, что ты знаешь о Нембусе, — прошептал Кейнан прямо в ухо Хану. Голос был тихим, но властным.

— Кейн, как он тебе ответит, если ты его душишь? — подал голос спутник императора, который перебирал янтарные чётки. К удивлению Хана, Кейнан тут же разжал пальцы.

Хансон судорожно закашлялся, потирая шею.

— Сколько раз повторять: не называй меня так вне стен Кальи, — бросил Кейнан через плечо. Сопровождающий лишь иронично вскинул брови. — Начинай, — приказал Император, обращаясь к пленнику.

— Что именно вам нужно? — хрипло спросил Хан.

— Глава деревни- Али-эфенди сообщил, что ты выкрикнул имя Нембуса. И еще... перед тем как вырубиться, ты убил своего наставника, верно?

Мужчина, перебивающий чётки сел на стул, который только что занимал Лоркан.

— Это была иллюзия, — тихо ответил Хан, вновь чувствуя горечь утраты.

— Ясно. Рассказывай всё с начала битвы.

Хан подчинился. Пока он говорил, Кейнан сел рядом и время от времени проверял его пульс на запястье, словно мог почувствовать врёт ли ему собеседник.

Когда Хан дошел до угроз врага, Кейнан резко сжал его руку.

— Не знаю звать тебя смелым или глупым, раз ты осмелился солгать мне, — спокойно произнес Император. Хансон вскрикнул от боли. В комнату тут же ворвались Сагаб и Лоркан, на ходу вскинув луки и направив натянутые стрелы прямо в грудь Кейнана. Тот даже не шелохнулся, продолжая сверлить Хана своими светло-голубыми глазами. Но его спутник мгновенно встал перед Лорканом, чьи руки заметно дрожали.

— Я... я не скрываю! — прошипел Хансон. Схватка усилилась. — Асириес! — закричал он, зажмурившись от боли. Кейнан мгновенно отпустил его. Он обменялся коротким кивком со своим сподвижником, и они молча покинули хижину.

— Эй, ты цел? — Сагаб бросился к Хану, пока Лоркан шел следом за императорской свитой.

— Ты чувствовал это? — Хан растирал покрасневшую руку.

— Думаю, вся деревня это почувствовала, — мрачно ответил Сагаб. Он вытащил из рукава металлический предмет. Глаза Хана заблестели.

— Ключ? Как ты его достал?

— Неважно. Главное сейчас — разобраться во всём этом, — Сагаб принялся отпирать оковы.

— Можно спросить?

— Ты уже спросил, — буркнул Хан, но, заметив замешательство друга, добавил: — Слушаю.

— Как ты можешь так спокойно на всё реагировать?

— Ты ждал истерики?

— Нет, я просто... — Да я понял, о чем ты. Я убил наставника, объявил войну, меня называли Асирисом, и на меня могут объявить охоту. Всё просто: я верю свою судьбу Всевышнему. Если на то Его воля, то так и быть. Хансон говорил холодно, не проявляя интереса к беседе. Внезапный шум на улице заставил их насторожиться. Выглянув наружу, они увидели толпу. Сагаб и Хансон проскользнули вперед и замерли. Посреди улицы стояли бахриты Императора, сам Кейнан и девушка напротив него. У Хана перехватило дыхание — он узнал её. Это была Араселли. На ней было длинное белое платье, которое она надевала только в исключительных случаях, доверяя интуиции. Её рыжие волосы сияли на солнце, как янтарь. В руках она сжимала белую паранджу так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она едва доставала Императору до пояса.

— Уйди с дороги, сейчас же... — начал было Кейнан, но Араселли, не дав ему договорить, с криком ударила его пинком. Толпа ахнула.

— Император ты или нет, у тебя нет права срывать мою паранджу! — яростно закричала она. Если взглядом можно было испепелять, Кейнан уже превратился бы в прах.

— Это вышло случайно, дитя. Я извинился, ступай прочь, — холодно ответил Кейнан, даже не глядя на неё. Араселли, потеряв контроль, замахнулась кулаком, но её руку перехватил сопровождающий Императора. Отбросив её руку, он позволил ей скрыться — девушка быстро накинула платок и бросилась в сторону Сагаба, избегая взглядов. Кейнан что-то шепнул одному из бахритов, и тот провозгласил:

— Араселли Денсмор!

Она обернулась.

— Согласно Своду Законов Династии Алмааз, Раздел 4, Канон 5- покушение на правителя, членов Династии или законных носителей высшей власти признаётся преступлением высшей тяжести. Приказываю вам проследовать за нами в Палату Равновесия. Все замерли. Пинком девушки для Кейнана был не больше комариного укуса, но закон был суров. Сама Араселли, казалось, ничуть не удивилась. Напротив, она тепло улыбнулась, подошла к Кейнану и звонко рассмеялась:

— Наконец-то мы пойдем домой, да, брат?

Кейнан проигнорировал её слова, обратившись к своему спутнику:

— Не забудь про парня. Бахриты двинулись к выходу.

Толпа гудела, обсуждая странные слова Араселли. Для неё выделили закрытый паланкин, и она добровольно села в него. Прежде чем шелковые занавеси закрылись, она обернулась к Хансону и лучезарно улыбнулась. В мгновение ока сопровождающий Кейнана оказался рядом с Хансоном, подхватил его под локоть и потащил за Императором. Сагаб не успел даже опомниться. Потрясенного Хана усадили на коня по правую руку от самого Императора и тем самым мужчиной. Кейнан молча уставился на него, а его спутник бесцеремонно закинул руку Хансону на плечо.

— Так, я не успел представиться. Я Амир- аль- Бахр, — он громко расхохотался, глядя на ошарашенное лицо подростка. — Это лишь звание. Зовут меня- Ашер.

Хансон принуждённо улыбнулся.

— Скажи-ка, кто эта Араселли? Кейн для всех сирот как отец, но чтобы «домой»...

— Сирота Снейла-эфенди, — ответил Хан, когда они двинулись в путь. Император величественно возглавлял бахритов.

— Так, парень, отвечай как следует старшим. Или Снейл тебя манерам не учил? Хансон посмотрел Ашеру прямо в глаза:

— Знаете, Снейл- эфенди - учил нас такому, чего мне в жизни не забыть.

Император, не оборачиваясь, спросил скучающим голосом:

— Чего ты боишься, дитя?

— Всевышнего, сэр.

Ашер улыбнулся и потрепал Хана по волосам:

— Хороший мальчуган. Слушай сюда: когда прибудем в Калью Ирий, я буду твоим наставником и научу тебя правильно обращаться с мечом.

Он подмигнул Кейнану, но тот по-прежнему не обращал на них внимания.

— У меня есть условие, — решительно заявил Хансон.

— Ты в том положении, чтобы ставить условия? — Ашер приподнял бровь.

— А в каком я положении? Если бы вы хотели меня убить, я был бы уже мертв. Значит, я нужен вам живым. Если бы меня ждал допрос в Палате Равновесия, вы бы прислали гонцов, а не приехали лично. Да и смерть Нармира- аги замяли слишком быстро. Значит, вы не хотите, чтобы новости обо мне дошли до Фараона. А раз так, вы примете мои условия, иначе я сбегу. И не сомневайтесь, я смогу — спросите у Снейла-эфенди.

— А ты умен, Хансон, — Ашер усмехнулся, и внезапно схватил челюсть парня железной хваткой. — Но не полагайся только на факты. Мы можем ликвидировать тебя так, что от твоего существования не останется и следа. Можешь спросить у Нармира-аги.

В его глазах, устремленных на Хана, промелькнула угроза. Подмигнув ему, Ашер догнал Кейнана и больше они не обмолвились словами.